

УДК 94(4)

ББК 63.3(4)6

Историческое восприятие Европы в качестве «Другого» как основа британского евроскептицизма

Е.А. Атапин

Воронежский государственный университет (Воронеж, Россия)

Historical Perception of Europe as “the Other” as the Basis of British Euroscepticism

E.A. Atapin

Voronezh State University (Voronezh, Russia)

Доказывается, что британский евроскептицизм является не просто следствием особенностей текущей политической конъюнктуры, а результатом многовекового специфического отношения Великобритании к Европе как к иному, отличному во многих смыслах от Соединенного Королевства социокультурному пространству. Корни подобного отношения видятся в английской Реформации XVI в., жестко противопоставившей «британский» протестантизм «европейскому» католицизму. Приводятся примеры исторических событий, усугубивших этот религиозный и культурный разлом. В итоге британское видение европейцев как людей с другим укладом жизни, иными привычками и традициями, разделяемое политическими элитами, вылилось в скептическое отношение к европейской интеграции и участию в ней Великобритании. В доказательство видения Европы как «Другого» политическими элитами Соединенного Королевства приводятся высказывания известных британских политиков, касающиеся интеграции Европы и участия в ней Великобритании. Утверждается, что британский евроскептицизм в значительной степени определяется и вдохновляется культурной исключительностью. Поэтому особое внимание уделяется анализу британского варианта культурного евроскептицизма.

Ключевые слова: Великобритания, Европа, Европейский союз (ЕС), британский евроскептицизм, «Другой», протестантизм, католицизм.

DOI: 10.14258/izvasu(2021)5-08

Сегодня понимание евроскептицизма не ограничивается критическим отношением к углублению интеграционных процессов в рамках Европейского союза. Евроскептицизм становится многофакторным явлением, имеющим различные отличительные особенности в зависимости от национальных условий, в которых он проявляется. Некоторые исследо-

This paper proves that British Euroscepticism is not just a consequence of the peculiarities of the current political situation but the result of the centuries-old specific attitude of Great Britain to Europe as the other socio-cultural space different in many senses from the United Kingdom. The roots of this attitude can be found in the English Reformation of the 16th century which rigidly opposed “British” Protestantism to “European” Catholicism. Several examples of historical events that have aggravated this religious and cultural rift are given. As a result, the British vision of Europeans shared by political elites as people with a different way of life, habits and traditions resulted in a sceptical attitude towards European integration and Britain's participation in it. The statements of famous British politicians regarding European integration and participation of Great Britain in it are cited to confirm the vision of Europe as “the Other” by the political elites of the United Kingdom. It is argued that British Euroscepticism is largely determined and inspired by cultural exceptionalism. Therefore, special attention is paid to the analysis of the British version of cultural Euroscepticism.

Key words: Great Britain, Europe, the European Union (the EU), British Euroscepticism, “the Other”, Protestantism, Catholicism.

ватели полагают, что евроскептицизм давно перешел из разряда маргинальных явлений в категорию закономерных особенностей развития интеграционных процессов в Европе.

В понимании Софии Василюпулу евроскептицизм предстает уже не как «зависимая переменная», являющаяся, например, простым следствием партий-

ной конкуренции, а как «независимая переменная», представляющая собой последовательность событий и процессов, которые исторически были устойчивой частью европейской интеграции и, следовательно, стали неотъемлемой составляющей европеизации, а не частными случаями отклонения от нее [1, p. 29]. С. Василюпулу выделяет три стадии эволюции евроскептицизма: во-первых, разделение политических элит в первые годы существования Европейских сообществ по поводу направления интеграции, особенно относительно того, в какой степени она должна следовать наднациональной траектории; во-вторых, рост критического общественного дискурса, начавшегося с момента подписания Маастрихтского договора и выразившегося в отклонении многих аспектов европейского проекта на национальных референдумах; в-третьих, финансовый кризис и связанная с ним нестабильность в еврозоне, которые характеризуются массовой мобилизацией евроскептиков и утверждением приоритета национальных интересов над европейской солидарностью [2, p. 165–166]. На каждом из этих этапов развития евроскептицизма Великобритания представляла собой значительную силу.

Как отмечает Николо Конти, предпочтения национальных элит в отношении европейской интеграции являются глубоко укорененными в их сознание и зависящими от социальных и политических условий в национальном контексте [3, p. 11]. Британский евроскептицизм стал укоренившимся явлением, многомерным по своему выражению, отражающим Великобританию как многонациональное государство. Британский евроскептицизм является неотъемлемой частью британской политической жизни по той причине, что это устойчивый культурный феномен, который следует понимать гораздо глубже, чем нежелание принимать правила и положения Евросоюза и подчиняться «диктату Брюсселя». В основе британского евроскептицизма лежит давняя традиция противопоставления категорий британского «Нашего» и европейского «Другого» [4, p. 6].

Речь Дэвида Кэмерона в Лондоне 23 января 2013 г. наглядно иллюстрирует разделение в британском сознании между национальным «Нашим» и европейским «Другим». Кэмерон сформулировал пять пунктов (принципов), достижения которых он требовал от Евросоюза в кратчайшие сроки: конкурентоспособность, гибкость, необходимость возврата власти к государствам-членам, демократическая подотчетность и справедливость [5]. Примечательно, что число «пять» является символическим в отношении Великобритании к единой Европе. В 1962 г. лидер лейбористов Хью Гейтскелл заявил, что его партия согласится на членство в ЕЭС только при выполнении пяти условий. В 1974 г. премьер-министр

Гарольд Вильсон объявил, что он собирается пересмотреть пять пунктов договора о присоединении к Европейским сообществам. В своей Брюггской речи в 1988 г. Маргарет Тэтчер перечислила пять «руководящих принципов». Наконец, в 1997 г. министр финансов Гордон Браун сформулировал «пять экономических тестов», которые необходимо пройти, прежде чем Великобритания сможет присоединиться к Европейскому валютному союзу. Судя по всему, британские политики жестко запрограммированы на то, чтобы использовать число «пять» в качестве количественного мерил своих отношений с европейскими институтами. Это может быть либо осознанной риторической фигурой, либо хорошим примером интертекстуальности [6, p. 18].

Рассуждая о Евросоюзе, Кэмерон либо говорил о государствах-членах, либо представлял ЕС как монолитное, инородное образование за пределами Великобритании. Такой тип дискурса о Европейском союзе характерен не только для Великобритании. В зависимости от своих целей политики по всей Европе представляют Союз по-разному: изнутри или извне. Они видят свои государства либо в качестве полноправных членов, либо в качестве аутсайдеров, угнетенных диктатом политического образования под названием Европейский союз, Европа или Брюссель. Если государство-член принимает непопулярное решение, то можно представить это как действие Брюсселя. В противном случае есть возможность получить выгоду, заявив, что это было совместное решение или что само государство взяло на себя инициативу. Очевидно, что в этом контексте взгляд Кэмерона на Европу был взглядом «извне» как на организацию, находящуюся за пределами Великобритании. Помещая Соединенное Королевство за пределы Европы, Кэмерон следовал стандартной британской практике, согласно которой Европа и европейцы считаются внешними по отношению к Британии и британцам.

Но, как это всегда бывает с образами посторонних, чаще всего в британском дискурсе Европа и европейцы предстают как нечто негативное, чуждое и даже опасное. Нередко европейцев называют недемократическими, диктаторскими и лишенными чувства юмора. Дэвид Маркванд признал, что «не любит европейцев» и «радуется своеобразию Англии». «Я подсознательно симпатизирую англичанам, которые на протяжении 500 лет отказывались быть европейцами» [7, p. 70]. Именно это «подсознательное» восприятие Европы и европейцев придало британскому евроскептицизму особое свойство: оно обусловило не только критическое отношение британцев к ЕС, но и их восприятие самих себя как «неевропейцев».

В своей известной речи 1962 г. лидер лейбористов Хью Гейтскелл отреагировал на планы правительства,

не оставив сомнений в том, что он считал Европу и европейцев чуждыми Великобритании и британцам. Гейтскелл утверждал, что Великобритания может принести большую пользу Европе, но, по его мнению, присоединение к европейским интеграционным процессам было бы опасной авантюрой. «Пока в этом трудно убедиться, поскольку Европа действительно породила великую и славную цивилизацию, подарившую миру Гете и Леонардо, Вольтера и Пикассо, но нельзя забывать, что та же европейская цивилизация принесла зловещие плоды в лице Гитлера и Муссолини» [8, р. 36]. С 1960-х гг. подобный политический дискурс в отношении Европы в Соединенном Королевстве практически не менялся.

Если углубиться в историю англо-европейских отношений, то следует заметить, что Англия долгое время была частью англо-континентальной англо-нормандской империи, которая начала распадаться только в конце Столетней войны в XV в. Потеря континентальных владений заставила английских правителей отказаться от притязаний в Европе, вместо этого побудив их сосредоточиться на распространении своей власти на всю территорию Британских островов и за их пределы в другие части света. Эта политика привела к возникновению империи, которая связала британцев узами кровного и культурного родства с жителями самых разных уголков мира, в то же время еще больше отделив от континентальной Европы.

Однако точкой отсчета окончательного размежевания Англии и континентальной Европы послужила английская Реформация, которая по праву сыграла решающую роль в формировании британской исключительности по отношению к Европе. Как и в любой другой протестантской стране, в Великобритании образ католиков как «Других» поспособствовал формированию британского самосознания. Иными словами, англичане, шотландцы и валлийцы выработали единую национальность благодаря своему общему противостоянию католицизму [9, р. 311]. В «Акте о супрематизме», принятом Генрихом VIII в 1534 г., слово «иностраный» используется несколько раз, задавая в Англии тенденцию противопоставления доморожденного англиканского протестантизма и иноземного католицизма [10]. Иностранцы-католики жили на европейском континенте и часто воевали с англичанами. Неудивительно, что католицизм прочно стал ассоциироваться с «европейскостью».

В 1570 г. папа Римский Пий V попытался вмешаться в дела Англии, издав папскую буллу, объявившую королеву Елизавету I еретичкой, и освободив всех ее подданных от подчинения ей. Это иностранное вмешательство было фактически своего рода фетвой, открывавшей возможность любому католи-

ку совершить государственную измену. В том же году было приказано разместить во всех церквях рядом с англиканской библией исторический труд Джона Фокса под названием «Книга мучеников», в котором автор подробно описал пытки и убийства английских протестантов во время короткого правления католической королевы Марии I (1553–1558) и ее супруга короля Испании Филиппа II.

В 1780 г. опасения возможного иностранного вторжения в Англию привели к антикатолическому мятежу в Лондоне, вошедшему в историю как «бунт лорда Гордона», результатом которого стали многочисленные жертвы и самые серьезные разрушения в XVIII в. Поводом для массовых беспорядков послужило намерение правительства отменить некоторые наказания и ограничения, которые были наложены на британских католиков после Реформации в XVI в.

«Антикатолицизм» пережил возрождение во второй половине XIX в. из-за так называемой «Папской агрессии» 1850 г., когда папа Пий IX провозгласил Англию и Уэльс церковной провинцией римско-католической церкви. Пламя вражды разжигали и другие события. Великий голод 1845–1852 гг. привел к огромному притоку ирландских иммигрантов-католиков в Англию. Примерно в то же время большое внимание привлекло Оксфордское движение, возглавляемое влиятельными англиканами Высокой церкви, которое базировалось в Оксфордском университете и стремилось сблизить англиканство с католицизмом. Протестантская реакция не заставила себя долго ждать: британский рынок заполнили многочисленные брошюры, статьи, а также антикатолические романы. Антикатолический роман стал устоявшимся поджанром готического романа, описывающего жуткие истории об иезуитских заговорах, похищениях протестантских девушек в темные монастыри и зверских убийствах, совершаемых кровожадными священниками по приказам из Рима [11, р. 22]. Классическими примерами английского готического романа служат «Монах» Мэтью Грегори Льюиса (1796), «Итальянец» Анны Радклиф (1797) и «Мельмот Скиталец» Чарльза Роберта Метьюрина (1820). Типичным образцом антикатолического романа выступает «Городок» Шарлотты Бронте (1853) [11, р. 23]. Антикатолический роман продолжил традицию изображения европейцев как «других» в английской литературе.

В целом протестанты, как правило, менее склонны поддерживать европейскую интеграцию, чем католики, вероятно, по той причине, что централизация, объединение различных народов под властью единого центра рассматривается как нечто типично католическое и чуждое протестантскому духу. В конце концов Реформация была борьбой против централизованной власти, против коллективно-

сти в пользу индивидуальности. Поэтому рождение европейских национальных государств во многом обязано протестантизму и индустриализации. В то же время «отцы-основатели» современной денационализированной Европы — Конрад Аденауэр, Робер Шуман и Альчиде де Гаспери — были приверженцами Римской церкви [12, p. 89]. Комментируя «план Шумана», один британский чиновник заявил, что этот шаг к европейской интеграции «может быть лишь шагом к консолидации католического “черного интернационала”, который я всегда считал большой движущей силой Совета Европы» [13, p. 50–51]. В 1993 г. в ответ на ратификацию Договора о Европейском союзе организация под названием «Кампания за независимую Великобританию» опубликовала брошюру «Маастрихт: христианская дилемма», в которой утверждалось, что «национальное государство — это установленный Богом инструмент для сдерживания зла и беспорядков, средство управления и защиты своих граждан. Христианский взгляд на человека и библейское учение о грехопадении демонстрируют, что поверхностные шаги по объединению людей или наций наивны и всегда заканчиваются неудачей» [14, p. 7].

Однако протестантизм британцев не ограничивается тем, что они подозрительно относятся к католическим заговорам. Давно установившаяся привычка связывать Европу с католицизмом и укоренившиеся идеи о Европе как культурном «Другом» нашли свое отражение в британском отношении к европейской интеграции в XX в. Недоверие к европейцам как морально несовершенным влияет на отношения Британии и ЕС точно так же, как оно влияло на англо-европейские отношения в предшествующие века. Оценивая общественные настроения во время рассмотрения первой заявки Великобритании на вступление в ЕЭС, Уистен Хью Оден написал: «У меня есть подозрение, что средний англичанин все еще питает, хотя, вероятно, неосознанно, сильные антипапские настроения. Он может не признавать этого, но в глубине души он думает, что католики являются идолопоклонниками, аморальными и физически грязными и что только протестант может быть действительно приличным и достойным человеком» [15, p. 53].

В основном британские антикатолические и антиевропейские настроения в начале XXI в. находятся «в глубине», составляя часть общих идей, которые бессознательно подпитывают британский евроскептицизм. Однако иногда случаются небольшие всплески, как это было в случае, когда кандидат в депутаты от консерваторов в городе Слау Адриан Хилтон привлек внимание статьей, в которой утверждалась прямая связь между ЕС, римской церковью и утратой суверенитета Британией. Хилтон выразил убежденность в том, что «вступление в 1973 г. в Европейское

экономическое сообщество вернуло Англию в католическое лоно, и ровно через 460 лет после того, как английский монарх был провозглашен сувереном, нынешняя королева была понижена до статуса вассала в соответствии с условиями Маастрихтского договора» [16].

Важно отметить, что британцы не уникальны в том, что они считают себя особенными, исключительными, национально отличными от всех остальных. Национальная гордость — универсальное явление. Немцы считают себя отличными от французов, французы отличаются от испанцев и так далее. Уникально то, что в Британии по указанным причинам вполне возможно противопоставить национальное «Я» корпоративному европейскому «Другому». Именно эта особенность придает британскому евроскептицизму особое своеобразие. Британский евроскептицизм касается не только отношения к Европейскому союзу, но и восприятия Европы и европейцев как «Других», принципиально отличающихся от британцев. Доминирующей чертой этого различия является ощущение того, что британское «Наше» более честное, более демократичное и в целом «более протестантское», чем европейское «Другое», которое основано на «диктатуре папы» или на ее современном варианте — «диктатуре Брюсселя». Очевидно, что британский евроскептицизм следует понимать не только как политический, но и как культурный феномен.

Культурный евроскептицизм обычно рассматривается как убеждение, согласно которому европейская интеграция невозможна из-за отсутствия общей европейской культуры [17, p. 61–62]. Это рассуждение весьма типично для Британии. Так, например, евроскептическая организация «Группа Брюгге» рассматривает создание единой европейской идентичности как утопический проект: «В настоящее время нет ни самой европейской идентичности, ни необходимых предпосылок для ее развития в ближайшем будущем. Европейский союз не может просто склеить воедино двадцать семь исторически уникальных государств по щелчку пальцев после того, как тысячи лет истории сформировали индивидуальную культуру каждого государства. Если политическая интеграция будет продолжена без народной поддержки, в форме европейской идентичности, тогда евроскептические государства-члены, такие как Великобритания, будут продолжать выступать против членства» [18, p. 13].

Однако британский вариант культурного евроскептицизма содержит интересный парадокс. С одной стороны, в нем подчеркивается европейское национальное разнообразие, используемое для того, чтобы выступать против объединения европейских государств. Так, в своей знаменитой речи в Брюгге Маргарет Тэтчер заявила:

«Европа станет сильнее именно потому, что в ней Франция будет Францией, Испания — Испанией, а Великобритания — Великобританией, каждая со своими обычаями, традициями и идентичностью. Попытка унифицировать их под какой-то общеевропейский стандарт была бы безумием» [19]. С другой стороны, Тэтчер, как и Кэмерон спустя два с половиной десятилетия, рассматривала Европу как некое единое социокультурное пространство, которое в значительной степени отличается от Британии. Она представляла Европу как внешнюю сущность, с которой Британии постоянно приходилось взаимодействовать. «Мы, британцы, внесли особый вклад в развитие Европы. На протяжении почти двух тысяч лет Великобритания участвовала в европейских делах, сотрудничала с Европой, помогала ей» [19]. В своих мемуарах Тэтчер, на взгляды которой сильно повлияло ее протестантское методистское воспитание, без колебаний обозначила культурный разрыв между Великобританией и Европой, британцами и европейцами. В частности, она подчеркнула, что «вопрос британского бюджета в 1980-е гг. был полем противостояния нечестных европейцев и справедливых британцев» [20, р. 663].

Итак, с одной стороны, британский культурный евроскептицизм подразумевает, что не существует такого единого культурного феномена, как «Европа», а европейский континент представляет собой совокупность чрезвычайно разнообразных национальных государств. Следовательно, европейская интеграция вредна из-за искусственного объединения несочетаемых элементов. С другой стороны, Европа есть нечто чуждое британскому образу жизни, который существенно отличается от европейского. Соответственно, Соединенное Королевство не должно быть членом такого объединения, как Евросоюз. Получается, что с позиции британского культурного евроскептицизма

как предполагаемое отсутствие, так и существование европейской идентичности можно использовать в качестве аргумента против интеграции и в пользу выхода из Европейского союза.

Вместе с тем в логике британского культурного евроскептицизма можно и не усмотреть описанного выше противоречия. Наличие различий между европейскими странами не противоречит восприятию Британией Европы как единого коллективного «Другого» в том случае, если британцы полагают, что отличия между любыми двумя государствами континентальной Европы не так велики, как между Соединенным Королевством и любым европейским государством. Другими словами, культурные различия двух наиболее непохожих друг на друга европейских государств будут меньшими, чем между каждым из этих двух государств и Великобританией. Интересно, что даже такой ход мыслей не отменяет приведенных выше заключений относительно нецелесообразности европейской интеграции и участия в ней Соединенного Королевства, на которой настаивает британский культурный евроскептицизм.

Таким образом, британский евроскептицизм является феноменом социально-политической жизни Соединенного Королевства, исторически обусловленным восприятием Европы как «Другого» в культурном, религиозном и политическом смыслах. Корни «инаковости» Европы по отношению к Великобритании кроются в английской Реформации, со времен которой на протяжении порядка полтысячелетия британцы склонны воспринимать европейцев как совершенно иных, чужих, непохожих и в какой-то степени враждебных. Неудивительно, что глубоко проникшие в национальное сознание представления о Европе обусловили скептическое отношение британцев как к самим процессам европейской интеграции, так и к участию своего государства в этих процессах.

Библиографический список

1. Vasilopoulou S. Theory, Concepts and Research Design in the Study of Euroscepticism. In: The Routledge Handbook of Euroscepticism. B. Leruth, N. Startin, S. Usherwood (eds). London, 2017.
2. Vasilopoulou S. Continuity and Change in the Study of Euroscepticism: Plus ça Change? Journal of Common Market Studies. 2013. Vol. 51, No. 1. DOI:10.1111/j.1468-5965.2012.02306.x.
3. Conti N. Party Attitudes towards the EU in the Member States. London, 2014.
4. Tournier-Sol K., Gifford C. Introduction: The Structure of British Euroscepticism. In: The UK Challenge to Europeanization: The Persistence of British Euroscepticism. K. Tournier-Sol, C. Gifford (eds.). London, 2015.
5. Cameron D. UK and the EU // BBC News. 23 January 2013. URL: <http://www.bbc.co.uk/news/uk-politics-21160684>.
6. Spiering M. The Essential Englishman: The Cultural Nature and Origins of British Euroscepticism. In: The UK Challenge to Europeanization: The Persistence of British Euroscepticism. K. Tournier-Sol, C. Gifford (eds.). London, 2015.
7. Marquand D. Going into Europe. Encounter 114. 1963. Vol. 20, No. 3.

8. Gaitskell H. Speech at the Annual Labour Party Conference, 3 October 1962. In: Holmes M. (ed.). *The Eurosceptical Reader*. London, 1996.
9. Colley L. *Britishness and Otherness: An Argument*. *Journal of British Studies*. 1992. Vol. 31, No. 4. DOI:10.1086/386013.
10. Henry VIII's Act of Supremacy (1534) — original text // *Britain Express*. URL: <https://www.britainexpress.com/History/tudor/supremacy-henry-text.htm>.
11. Griffin S.M. *Anti-Catholicism and Nineteenth-Century Fiction*. Cambridge, 2004.
12. Nelsen B., Guth J. Religion and Youth Support for the European Union. *Journal of Common Market Studies*. 2003. Vol. 41, No. 2. DOI:10.1111/1468-5965.00412.
13. Young H. *This Blessed Plot: Britain and Europe from Churchill to Blair*. London: Palgrave Macmillan, 1998.
14. Wood G. *Maastricht: A Christian Dilemma*. Yorkshire: Campaign for an Independent Britain, 1993.
15. Auden W.H. Going into Europe. *Encounter* 112. 1963. Vol. 20, No. 1.
16. Hilton A. Render unto the Pope // *Spectator*. August 2003. URL: <https://www.spectator.co.uk/article/render-unto-the-pope->.
17. Leconte C. *Understanding Euroscepticism*. London, 2010.
18. Stanley L. *A European Supra-National Identity: The Solution to the European Union's Crisis of Legitimacy?* London, 2013.
19. Thatcher M. Speech to the College of Europe ("The Bruges Speech"). 20 September 1988 // Margaret Thatcher Foundation. URL: <http://www.margaretthatcher.org/document/107332>.
20. Thatcher M. *The Downing Street Years*. London, 1993.